

**ТИТОВА ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА**

кандидат филологических наук,  
доцент кафедры литературы Вологодского государственного  
педагогического университета

**ВОЛОГОДСКИЕ ШТРИХИ В СУДЬБАХ ЦВЕТАЕВЫХ:  
ФАКТЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

Данная статья представляет собой первую попытку системного изложения известных на сегодняшний день фактов, позволяющих увидеть не всегда отчетливую, местами пунктирную, но все-таки связь поэта Марины Ивановны Цветаевой (1892–1941) и ее сестры, писательницы, мемуаристки Анастасии Ивановны Цветаевой (1894–1993) с Вологодским краем. Освещая ряд обстоятельств в судьбах этих людей, мы надеемся, что к поиску дополнительных характеристик и свидетельств подключатся краеведы, музейные работники, историки и все те, кому заявленная тема покажется интересной.

Оговоримся сразу: Марина Цветаева никогда не была в Вологде и в Вологодской области. В ее окружении, разумеется, могли оказаться люди, родившиеся на Вологодчине или, в силу каких-то причин, в Вологде побывавшие, как, например, философ Н. А. Бердяев. Но упоминаний о Вологде нет в ее произведениях и письмах. И все же ряд событий мотивирует размышление о ее невольной соотнесенности с нашими краями. Дело, разумеется, не в посмертной славе Цветаевой как поэта, и даже не в общем движении вологодских поклонников, интерпретаторов и исследователей ее творчества, хотя интенсивность последнего обращает на себя внимание. Более важными для понимания художественного мышления Цветаевой, ее творческих кредо и эстетических позиций представляются ее особое восприятие поэзии и судьбы К.Н. Батюшкова и факт включения двух ее

стихотворений в сборник «Московские поэты», изданный в 1924 г. в Великом Устюге.

Думается, что «колоссально недооцененный» современниками Батюшков, был, как ни парадоксально, верно определен в своей поэтической уникальности Цветаевой. И это несмотря на то, что она лишь однажды использовала его строку в качестве эпиграфа к своему лирическому произведению. Справедливо отмеченная Анной Сергеевой-Клятиц многослойность цветаевского стихотворения «Я берег покидал туманный Альбиона» апеллирует и к «Тени друга» Батюшкова, и к образу Байрона, а также вызывает иные ассоциации (Чайльд-Гарольд, Пушкин, Одиссей, Сергей и Петр Эфроны). Однако и это далеко не все. Рассматривая произведение не только с учетом даты создания текста (1918 г.), но и с учетом литературной самоидентификации Цветаевой, следует обратить внимание на строку «Вот школа для тебя, о ненавистник школ!» Цветаевой, к 1918 г. уже неоднократно заявлявшей о несогласии с манифестированными литературными течениями и объединениями, Батюшков мог быть дорог именно своей одинокой судьбой. То, что эта судьба была ей известна, подтверждается статьей «Поэт и время» (1932 г.) и «Повестью о Сонечке» (1937 г.), где Цветаева соотносит имя Батюшкова со строчками из стихотворения Мандельштама:

Который час? – его спросили *здесь*,

А он ответил любопытным: «Вечность».

Определяя обстоятельства жизни родившегося в Вологде и завершившего в этом городе свое земное существование поэта, автор-повествователь в «Повести о Сонечке» указывает на сумасшествие Батюшкова и вкладывает в уста собеседницы-героини следующие слова: «Глупо у поэта спрашивать время. Без-дарно. Потому он и сошел с ума – от таких глупых вопросов. <...> И опозорились, потому что это ответ – гения, чистого духа». В условиях эмиграции, таким образом, именно Батюшкова Цветаева берет в союзники, обосновывая право Поэта «выпадать» из своей эпохи, из времени, не

отзываться на злобу дня. Вот почему в статье «Поэт и время» упоминание о Батюшкове предваряется размышлением, имеющим большое значения для самоопределения Цветаевой: «Всякий поэт по существу эмигрант, даже в России. Эмигрант Царства Небесного и земного рая природы. На поэте – на всех людях искусства – но на поэте больше всего – особая печать неуютта, по которой даже в его собственном доме – узнаешь поэта».

И в 1918 г. Цветаевой, безусловно, могли быть дороги в Батюшкове способность жить в своем мире, отгороженном от быта и общественных проблем; умение жить в искусстве, погружаться сознанием в иные культурные пространства и эпохи. Создавая лирические стихотворения, в которых оживала Древняя Русь («Версты»), увлекаясь итальянскими и французскими авантюристами XVIII века (цикл «Романтика»), работая над поэмами-сказками («Царь-Деввица», «Молодец»), Цветаева шла тем же путем. Так же, как Батюшков, которому претила деятельность чиновника, в революционные годы она ощутила свою невозможность служить («Мои службы»).

Пропавший навсегда в провинциальном городе Батюшков мог привлечь внимание Цветаевой еще и потому, что в ее личной судьбе к тому времени уже появился опыт недолгого проживания в г. Александрове, а в судьбе поэтической уже возник текст стихотворения «Я бы хотела жить с Вами в маленьком городе...» (1916 г.)

Еще один небольшой город на Вологодчине оказался связан с именем Марины Цветаевой в 1924 г. Когда Цветаева была за границей и в СССР ее уже не печатали, в Великом Устюге вышел сборник «Московские поэты», где появились два ее стихотворения, обращенных к Б. Пастернаку: «В час, когда мой милый брат...» и «Брожу – не дом же плотничать...» (оба 1923 г.).

Безусловно, попали они в этот сборник, благодаря адресату: именно Пастернаку эти произведения, наряду с другими, были посланы. Но пока не удалось выяснить, при каких обстоятельствах и по какой причине они были включены в сборник, изданный в Вологодской области.

Обратим внимание и на такой факт. В июле 1969 г. Ариадна Сергеевна Эфрон совершила путешествие по Северной Двине и Сухоне от Архангельска до Великого Устюга и в обратном направлении. Если бы она на тот момент знала о названном нами сборнике, вышедшем в 1924 г., то непременно написала бы об этом В.Н. Орлову, ставшему главным редактором цветаевского тома в серии «Библиотека поэта». Но и без этого знания впечатления ее от Великого Устюга очень яркие и памятные. Письма к разным адресатам содержат рисунки двух церквей (Дм. Солунского и Преображения) и следующие оценки:

«Великий Устюг – сказочен и вполне неожиданно почти не тронут «цивилизацией». <...> Во многих (закрытых) церквях еще целы иконостасы, деревянная резьба, иконы, кое-где фрески. Что до населения, то – красивы! без монгольских примесей! спокойны! приветливы!»

«Городок маленький и весь – сокровище в детской горсти; все близко, все – настоящее – церкви, монастыри, особняки, лавки (именно лавки, а не магазины!) и нигде никаких «Черемушек». Ненадолго это счастье, вероятно; говорят, в 1971 г. построят ж/д ветку, и тогда конец Китежу! Пока же – не только немногочисленно, а – пустынно <...> Красота, покой, даже уют, тишина. <...> Два изумительных музея без посетителей».

«Ах, каких я Егориев видела – иконописных и скульптурных (дерево) во время нынешней поездки по Северной Двине и Сухоне! Прекрасных до озноба, до умопросветления. Вообще там, на Севере, есть чем любоваться и – немногочисленно...».

Не будет, наверное, слишком большой натяжкой и такая мысль: то, что увидела в Великом Устюге своими глазами Ариадна Сергеевна, то, что она ощутила, составляло и тайную мечту ее матери, страдавшей от «скученности и скрюченности», не полюбившей блага цивилизации и писавшей в годы эмигрантской жизни:

Хоть бы закут –

Только без прочих!

<...>

Богом мне – тот

Будет, кто даст мне

– Не времени!

Дни сочтены! –

Для тишины –

Четыре стены.

Опосредованно, через дочь, а также через родную сестру, связалась с Вологодским краем и судьба литературного наследия М. Цветаевой. Дело в том, что после своего первого освобождения из лагеря на Дальнем Востоке в 1947 г. Анастасия Ивановна Цветаева, узнав, где находится ее сын, приехала в рабочий поселок Печаткино под городом Соколом, а осенью того же года туда же приехала Ариадна Сергеевна, которая, если верить одному из источников, привезла «машинопись прозаических и поэтических произведений М.И. Цветаевой, написанных в эмиграции». Тот факт, что сын А.И. Цветаевой Андрей Борисович Трухачев (1912–1993) оказался в Печаткино, объясняется в первую очередь его специальностью: до своего ареста в 1937 г. (их с матерью арестовали в один и тот же день, 2-го сентября, в Тарусе) он успел получить диплом архитектора. В 1942 г. А.Б. Трухачев был призван в армию и работал инженером-диспетчером, проектировщиком в Архангельском окружном военстрое, а в Печаткино он устроился начальником участков на строительстве аэродромных и причальных сооружений. Точная дата его появления под Соколом неизвестна, но приехавшая туда А.И. Цветаева не только познакомилась с его женой, но и стала бабушкой, поскольку 29-го октября 1947 г. у нее родилась первая внучка Рита. О жене А.Б. Трухачева известно немного. Нина Андреевна Зеленина (девичья фамилия Шарыпова; брак с Трухачевым был не первым;

сын от первого брака Геннадий Васильевич Зеленин проживает в Павлодаре) и в 60-е годы была, как писала А.С. Эфрон, «очень хороша собой, а в молодости была красавица настоящая». В июле 1969 г. она вместе со своей сестрой Евлампией встретила Ариадну Сергеевну на вокзале, причем по письму последней понятно, что Нина Андреевна в Архангельске постоянно не жила, а приехала туда с внуком. Но и этих ссылок достаточно для еще одного предположения: возможно, Нина Андреевна напрямую связана с Вологодским краем, с г. Соколом или с поселком Печаткино по факту своего рождения или по родственным связям.

Данные подробности могут показаться лишними и незначительными лишь на первый взгляд. А.С. Эфрон свое намерение ехать после своего освобождения к тете и двоюродному брату связывала с надеждой на трудоустройство в Печаткино или в Вологде. Название города она упоминает в письме Б. Пастернаку: ей хочется «прибиться к месту, и чтобы никто не трогал». Но письмо датировано 26 августа 1948 г., а, согласно цитируемому выше источнику, А.С. Эфрон вместе с частью архива М. Цветаевой оказалась в Печаткино уже осенью 1947 г. и 5 декабря этого же года была записана в крестные своей двоюродной племянницы Маргариты. Эти противоречия легко разрешились бы, если бы появилась возможность познакомиться с письмами А.С. Эфрон и А.И. Цветаевой, написанными в период пребывания в Печаткино, а также полученными ими. Но ни в одной из публикаций их письма или письма к ним не представлены. На наш взгляд, единственное объяснение этому: арест А.И. Цветаевой 17 марта 1949 г. Аресту и в дальнейшем высылке подвергся и А.Б. Трухачев. Месяцем раньше в Рязани была арестована А.С. Эфрон. При аресте, разумеется, изымались документы, бумаги.

Итак, либо письма и машинописные копии цветаевских произведений, были уничтожены органами, производящими арест; либо подобные документы до сих пор находятся в каком-нибудь специальном архиве и, возможно, даже на территории Вологодской области. Либо они каким-то

образом попали в руки родственников со стороны жены А.Б. Трухачева или даже просто знакомых (не исключено, что проживали такие знакомые и в Печаткино).

Есть еще несколько любопытных фактов, которые могут быть соотнесены с приведенными выше. Перед своим первым освобождением А.И. Цветаева в одном из писем сыну заявляет о том, что ее «тянет в родные места, севернее» и тут же добавляет: «Есть адрес в Вологде, где непременно буду, адрес одной адвентистки, звавшей к себе: Б. Кирилловская, 17». Была ли она по этому адресу и у кого, пока не выяснено, как не выяснено, где именно крестили ее внучку (вряд ли в Печаткино или в Соколе). Но неоспорим факт действительного пребывания сестры М. Цветаевой в Вологде в глазной больнице. Воспоминание об этом есть в книге «Моя Сибирь», где А.И. Цветаева, оговаривая обстановку в новосибирской больнице, в частности, написала: «Начиная с палат все было другое, чем в вологодской областной глазной больнице под начальством Евгении Васильевны Александрович, очень умной и очень доброй женщины, изумительного администратора: там был уют и ласковость – персонал был подобран, палаты небольшие, покойные». Та, о ком с такой теплотой вспоминает А.И. Цветаева, не успела прочитать этих строк: она ушла из жизни раньше издания этой книги. Однако имя врача-окулиста, для которого, судя по отзывам лично знавших ее людей, не важна была репутация того, кто нуждался в лечении, вошло в Вологодскую энциклопедию. Если предположить, что полное имя врача не случайно сохранилось в памяти А.И. Цветаевой и между ними возникли теплые отношения, то ситуация обострения проблем с глазами на этапе ссылки в Сибирь, проживания в селе Пихтовка могла заставить бывшую пациентку письменно обратиться за советом к бывшей спасительнице. В этом случае определенная информация может обнаружиться и в Государственном архиве Вологодской области, где есть фонд личных документов Е.В. Александрович.

Белых пятен в пересечениях судеб Цветаевых с Вологодской землей очень много. Известно, например, о нескольких копиях, сделанных А.И. Цветаевой с фотографий сестры Марины, о гибели которой она узнала за четыре года до приезда к семье сына. Где находятся эти копии, если они уцелели? И не начала ли А.И. Цветаева уже в Печаткино вести мемуарные записи? Запомнил ли ее кто-то из местных жителей? Ведь в отличие от А.С. Эфрон, она пробыла под Соколом не менее двух лет.

Думается, что не только архивные разыскания на месте помогут разъяснить некоторые обстоятельства. В пригороде Вашингтона усилиями композитора и исполнителя Юлия Зыслина создан Литературно-музыкальный музей русской поэзии Серебряного века (открыт осенью 1997 г.), где собрано немало видеоматериалов и где, в частности, есть запись интервью с Маргаритой Андреевной Трухачевой-Мещерской. А ведь именно ей, своей первой внучке, родившейся на Вологодской земле, А.И. Цветаева начала подробно рассказывать историю своей жизни.

Юлий Зыслин и сам дважды бывал в Тотьме и в Вологде, поскольку с 1978 г. усиленно интересовался творчеством Н. Рубцова и исполнял песни на его стихи. Есть у него песни и на стихи М. Цветаевой, которая, как признается бард, после Рубцова стала его «поэтическим богом». В соединении этих, столь разных, поэтических имен (Н.Рубцова и М.Цветаевой) тоже проступает символическая связь, влекущая к поиску и размышлению.